

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505

Научная статья

Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность

Н.А. Власенко

Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация
 vlasenko-na@rudn.ru

Аннотация. Анализируются содержательные стороны современной постсоветской государственности на основе традиционного методологического ориентира, получившего название элементный подход (Аристотель, Еллинек), предполагающем выделение ключевых государствообразующих признаков. Активно используется аристотельское понятие «отклоненное государство». С целью более глубокой иллюстрации так называемых «отклоняющихся» моментов в постсоветских государствах применяются метафорические сравнения — такие как «имитационное государство», «отчужденное государство», «селективное государство» и др. В числе отклоняющихся закономерностей признаются слабое системное стратегическое планирование и отсутствие соответствующих научных концепций, в том числе в чрезвычайных ситуациях, а также недостаточный суверенитет судебной власти, превалирование унитарных тенденций и др. Аргументация автора подкреплена данными, опубликованными в различных официальных источниках (статистика, результаты специальных социологических исследований, действующее российское законодательство, репортажи, мнения экспертов и т. д.). Статья рассчитана на специалистов в сфере теории государства и права, политологии, социологии и др. Будет интересна аспирантам, государственным и муниципальным служащим.

Ключевые слова: государство, Аристотель, политика, Еллинек, постсоветское государство, метафоры, российские реформы, коррупция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 25 мая 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2021 г.

Для цитирования:

Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 479—505. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505

Research Article

The declining state: Aristotle teachings and post-Soviet reality

Nikolay A. Vlasenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
 vlasenko-na@rudn.ru

Abstract. The substantive aspects of modern post-Soviet statehood are analyzed on the basis of the traditional methodological guideline, called the elemental approach (Aristotle, Jellinek), which presupposes the allocation of key state-forming features. The Aristotle concept of “rejected state” is actively applied. For the purpose of a deeper illustration of the so-called “deviating” moments in the post-Soviet states, metaphorical comparisons are used, such as “imitation state”, “alienated state”, “selective state” and others. Deviating patterns are described through weak systemic strategic planning and the lack of relevant scientific concepts, including in emergency situations, as well as insufficient supremacy of judiciary, prevalence of unitary tendencies and others. The author's argumentation is supported by data published in various official sources (statistics, results of special sociological studies, current Russian legislation, reports, expert opinions, etc.). The article is intended for specialists in the field of the theory of state and law, political science, sociology, etc. It will be of interest to postgraduate students, state and municipal employees.

Key words: state, Aristotle, politics, Jellinek, post-Soviet state, metaphors, Russian reforms, corruption

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Article received 25th May 2021

Article accepted 15th July 2021

For citation:

Vlasenko, N.A. (2021) The declining state: Aristotle teachings and post-Soviet reality. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 479—505. (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505

Введение

Государство создается не ради того только, чтобы жить,
но и преимущественно для того, чтобы жить счастливо.
Аристотель

Эпохи или определенные исторические периоды, характерными чертами которых являются отсутствие эффективной экономики, минимальные в нее инвестиции, непомерные налоги, социальная нищета, повышение пенсионного

возраста, превышение смертности над рождаемостью, экологическая нестабильность, федерально-региональная неразбериха в чрезвычайных ситуациях, фактически платные образование и медицина в условиях низкой заработной платы и минимальной пенсии, а также и многие другие болезненно затянувшиеся факторы современности как и в советском прошлом, так и в настоящее время, нередко называют простым словом — «застой». Указанные обстоятельства, их система неизбежно предлагают задуматься о качестве публичной власти, государственного управления, рентабельности политического устройства, роли и эффективности современного государства и юридических механизмов и др.

Несомненно следующее. Перед нашей наукой, в том числе юридической, стоят крупные теоретические задачи, требующие глубокого осмысления накопившихся проблем и формулирования путей и перспектив выхода из опасной ситуации, способной оказаться безвозвратной с соответствующими политическими, социальными и экономическими последствиями.

Главное звено в научном осмыслении наступающих негативных социально-экономических и связанных с ними проблем — это *государство*, с его организующей силой и системными возможностями. Хотелось бы или нет, но современному политико-юридическому мышлению нужно огласиться с тем, что отечественная государственность занимала и занимает место ядра в политической, социальной и экономической системах современного российского общества. Термин «ядро» пришел в отечественный политико-юридический лексикон в 1977 г., впервые найдя свою прописку в Конституции СССР. К нему можно относиться по-разному, но его метафорическая образность позволяет говорить о терминологической точности. Итак, государство, несомненно, ядро, главное звено в организации жизни общества, его воспроизведении самим себя. Здесь нельзя обойти такой важный момент, как оценка роли государства, его властной составляющей в общественном организме.

И еще важная деталь. В статье, пожалуй, впервые в юридической науке активно используются метафоры. Метафорические характеристики государственно-правовых явлений важны потому, что они высвечивают дополнительные черты объектов исследования, позволяют понять их глубже, например, появилось выражение «незаметное государство» в смысле цифровизации государственного управления и др. Метафорический метод, если так приемлемо сказать, подчеркнем, во многом инструмент и данной работы. С другой стороны, надо помнить, метафоры очень редко «перерастают» в ранг научных категорий. В этой связи попытка придать метафоре буквальный смысл часто ведет на путь ложных представлений¹.

На наш взгляд, государство, его правительство должны представлять собой самоорганизующую силу, которая при необходимости способна *«самонастраиваться»* с целью усиления активности и ролевых функций в общественной практике, и наоборот, в случаях, когда общество, его компоненты способны сами решать возникающие проблемы — снижать активность, играть роль «ночного сторожа». Иначе говоря, постоянное «подталкивание» и опека со стороны государства общественной и экономической динамики вряд ли имеет смысл и может

¹ Подробнее о метафорах в юридической науке: (Baranov & Vlasenko, 2019:11—25).

навредить. Понятно, что это некая идеальная модель современного государства, образно ее можно назвать государством-гарантом, основанная на разумности и оптимальности отношений между обществом и государством.

Сказанное позволяет сформулировать следующий вопрос — кто виноват в слабой эффективности общественного развития России, ряда других постсоветских государств? В частности, можно ли было за последние 20—30 лет вывести российское общество на другой уровень — уровень социально достойного существования, поступательного увеличения рождаемости, достаточных социальных гарантий? Ответ на поставленную проблему очевиден. В первую очередь, за плохо организованную жизнь, непродуктивную политику и недееспособность государственных рычагов и др. ответственность несет государство, этажи его власти². С другой стороны, списывать нищету существования основной массы населения исключительно на государственные структуры — также проявить максимализм в соответствующих суждениях и пододвинуть себя к необъективным оценкам. Роль общества, его механизмов должна быть корректной и эффективной, отвечать социальному спросу, заказу. И, конечно, нельзя забывать о «дозировке» в решении указанных социальных проблем государственного и общественного.

Что такое государство: из глубины веков — до современных трактовок. Роль Аристотеля

Чтобы охарактеризовать постсоветское государство, его слабые стороны и болезни, нужно, по крайней мере, понять, что представляет собой государство, из каких элементов состоит? Какие блоки, какие составляющие являются главными? Какие инструменты — основные? Следует понимать не только существо государства, но и другое — его цель, связь и зависимость от общества и др. И где линия раздела между государством и обществом? Сказанное мною неслучайно и не для красного словца. О государстве написано очень много: античная классическая литература, период средневековья, эпоха капитализма и т. д. И, конечно, здесь важно определиться, какие работы ключевые и эпохальные. Когда говорю об эпохальных произведениях, то имею в виду книги, повлиявшие на парадигмы научного мышления, определившие вехи, стандарты и пороги в понимании государства. Из существующего многообразия фундаментальных работ о государстве я определил для себя две книги: «Политика» Аристотеля и «Общее учение о государстве» Георга Еллинека. Аргументация очевидна — Аристотель заложил науку о государстве, сформулировал основополагающие категории, в рамках которых мы размышляем и в настоящее время; Георг Еллинек, опираясь на наследие Аристотеля, во-первых, выбрал на начало XX в. колоссальные источники и характеристики государственности, во-вторых, сказанное гениально систематизировал. Наверное, автора этих строк можно упрекнуть в переоценке

² Американский исследователь В. Долфсма в этой связи справедливо замечает: «...в политико-философских дискуссиях довольно редко обсуждаются вопросы, когда государство терпит провал и в чем состоит этот провал». См.: (Dolfsma, 2017:12).

ряда работ и легкости в оценке других. Пусть в этом споре, как говорят, решит критерий вкуса и собственного усмотрения.

Итак, нет сомнения в том, что основы теории государства или учения о государстве на системном уровне заложены Аристотелем. Недаром его называют, по меткому выражению Ф. Энгельса, «самой универсальной головой» (Chanyshev, 1987:4). Изучение государствоведческих идей позволяет сделать вывод о том, что именно «аристотелевское» понимание государственности, ее составляющих, таких как демократия и ее формы, территориальность, власть и ее связь с населением и др., явились ключевым для развития мировой классической философии государства³. Следует поддержать и суждение о том, что Аристотель — «основоположник политической науки» (Lazarev, 2006:108). Безусловно, в современной философской литературе встречаются и критические суждения в части отдельных положений наследия Аристотеля (Karpenko, 2012:154—166).

Таким образом, нет сомнения, что Аристотель — гениальный методолог, его понимание существа государства (с видением — какое оно должно быть; чем *чреват* отклонения; последствия ущербности и несовершенства отдельных его элементов; и др.) — всегда были актуальны и остаются таковыми.

Надо честно признать, что отечественная юридическая наука, как в прошлом, так и в настоящем, достаточно жестко трансформировала основные признаки государства, которые обосновал Аристотель (территория, население, семья, законы и др.). Однако, возвращаясь еще раз к его труду, возникает вопрос — все ли прочитано у Аристотеля? Не «замылились» наши глаза за долгие годы известным перечислением признаков государства? Я попытался это сделать, и цель моя была не только в том, чтобы освежить в памяти блоки фундамента теории государства, но и попытаться найти ответы — точные методологические сюжетные линии, способные помочь исследователю, оценить современную государственность. Сегодня, в период господства (где-то безраздельного) либерального мышления и его результата — либеральной идеологии, понимание государства главным образом как публичной организации для управления общими делами на основе законов, иногда приводит к преувеличенной оценке роли такого элемента, как публичная власть, и недооценке *отклонений* в ее работе.

В самом начале «Книги третьей» своей работы «Политика» Аристотель задается вопросом — «что такое собственно государство?». И отвечает: «государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящее из многих частей» (Aristotel', 1984:444). Далее подчеркивает: «Государство включает в себе неодинаковые элементы; подобно тому как всякий человек состоит из души и тела, а душа в свою очередь включает в себе разум и страсти...» (Aristotel', 1984:450). Современнику, наверное, думается, что это в общем просто — выделяй, расщепляй и анализируй. На самом деле этот принцип, этот подход лишь внешне прост. Практически, т. е. предметно, его осуществить непросто, тем более когда речь идет о таком архисложном явлении, как государство. Итак, аристотелевская методология достаточно проста, по крайней мере,

³ Подробнее: (Polyakov, Kozlikhin & Timoshina, 2007: 51—75).

так видится с позиции нашего времени. Заметим, современная философия ушла далеко вперед. Деление целого на части породило системный подход, анализ функций — функциональный и т. д., что объективно и верно.

Стержневые критерии государственности по Аристотелю и его идея отклоняющегося государства

Совершенно неслучайны рассуждения Аристотеля о государстве (речь идет о первых строках его книги «Политика»), начинающиеся с такого уникального его признака, как «общение». Философ пишет (приведем его цитату полностью): «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» (Aristotel', 1984:444).

Ставя знак равенства между государством и общением, одновременно Аристотель видел государство как *добродетель* для человека, некое социальное образование, устраивающее все слои населения и способное создавать компромиссы при решении любых вопросов. Иначе говоря, идеальное государство ему виделось как живой организм, открытый и эффективный. Кстати, о важности добродетели в государственных делах Аристотель отмечает: «...где добродетель не ценится выше всего, там не может быть прочного аристократического государственного устройства» (Aristotel', 1984:439).

Надо иметь в виду, что Аристотель четко различал (делил) государства с аристократическим строем (там, где ценится добродетель) и «отклоняющиеся» в сторону олигархии, где «богатство ценится выше добродетели и все государство становится корыстолюбивым» (Aristotel', 1984:439).

Итак, по Аристотелю государство — это *общение*, это *добродетель*. Но и это не все: в «третьей книге» «Политики» он дает еще одно определение государству и характеризует такой его признак, как наличие гражданства. «...Ведь государство, — пишет философ, — есть совокупность граждан» (Aristotel', 1984:444). Далее автор анализирует понятие «гражданин» и все, что с ним связано. Прежде Аристотель изучает статус граждан в различных греческих полисах и приходит к важным для нашей современности выводам, характеризующим институт гражданства. Это «зависимость» граждан от «вида государственного устройства», а также необходимости их *участия* (курсив наш. — Н.В.) в законосовещательной или судебной власти, и только в этом случае мы можем утверждать, — отмечает ученый, — что он является гражданином данного государства (Aristotel', 1984:446).

А вот теперь — вещь принципиально важная: отношение Аристотеля к случаям, выражаясь современным языком, не оптимального устройства государственной власти, неоптимального управления и злоупотребления властью. Аристотель такие ситуации предвидел и называл это *отклонением* и *наихудшим вредом*.

Аристотель указывает наиболее приемлемые формы осуществления государственной власти — царскую, аристократическую и политику. Надо заметить, что через всю работу проходит мысль об «отклонениях» в осуществлении государственной власти от критериев данных форм. Крайняя степень отклонения от реализации государственной власти — тирания. Для нашего исследования важна мысль об отклонении или трансформации власти, ее элементов в сторону узурпации одним субъектом или группой лиц.

Аристотель подчеркивает значение в государственном механизме законосовещательной власти; в этой связи узурпация ее функций (при отклонении) — наихудший вред для государства.

Великий мыслитель анализирует такие формы государственного устройства, как олигархию, тиранию и демократию, указывает на разные примеры отклонения, скажем, при распределении судебных дел, избрании правителей, формирующейся корыстолюбивости государства, а также отсутствие у государства такой цели, как добродетель. К отклонению в государственности Аристотель относит и тот факт, когда «один и тот же человек и на флейте играл, и сапоги тачал» (Aristotel', 1984:437—439).

В связи со сказанным, как не задаться вопросом об оптимальности государства по Аристотелю? И каков критерий эффективности государственности, ее механизмов? Этот вопрос беспокоил Аристотеля, и он отвечал на него. Речь идет о его суждениях устроенности государственной жизни у карфагенян. «Доказательством слаженности государственного устройства, — указывает мыслитель, — служит уже то, что сам народ добровольно поддерживает существующие порядки, и что там не бывало ни заслуживающих упоминания смут, ни тирании» (Aristotel', 1984:437).

Одновременно он и критиковал Карфаген, где бытовало мнение о том, что должностные лица должны избираться не только по признаку происхождения, но и по признаку богатства. Аристотель полагал, что критерий «богатство» есть ошибка законодателя. Управлять в государственном механизме должны люди порядочные и способные. Государство же должно быть богатым, но управлением, по его мысли, гарантировать досуг.

Подытожим сказанное. Великий Аристотель, заложивший основы учения о государстве, предложил следующий подход: рассматривать государство с позиции *целостной общности, образованной общением*. С этого и начал свое исследование. Между тем на протяжении всей работы автор во главу угла ставит *элементы* государства, именно они анализируются и выступают основой для выводов. Человек, гражданин, семья — центральные звенья государства. В этой связи Аристотель красной нитью проводит мысль о связи *добродетели* и *государства, счастья* и *государства* (Aristotel', 1984:460). Однако он не утопист; он прекрасно понимает, что это цели, достижение которых требует немалых усилий общества, самого государства, его структур. И здесь появляется теория отклоняющихся государств. К таким государственным режимам он относит олигархию, тиранию и демократию. Интересно, что демократические формы правления автор считал неправильными, т. е. не отвечающими природе человека, что, конечно, заставляет задуматься над смыслом государственности в целом и,

главное, в затратности государственного механизма, его неповоротливости. К «неправильным» формам государства Аристотель относит *плутократию* (господство богатства), *тимократию* (господство состояния (денежного ценза)) (Aristotel', 1984:460).

Учение о государстве Аристотеля за две тысячи лет получило развитие в трудах многих и многих светил, и не видеть очевидного нельзя, нелогично и неэтично. Больше беспокоит современное понимание государства, его оценки, предлагаемые «новизна», «преемственность», культивирование силы и лидерства (сильное государство) и др. Вновь на штык поднимается идея абсолютного суверенитета. К сожалению, возрождение отечественной государственности В.Д. Зорькин видит исключительно в его силовой составляющей, смягченной социальными вкраплениями⁴. Думается, очищение учения о современном российском государстве от наносного, конъюнктурного и надуманного рано или поздно потребует объединения усилий представителей различных социальных наук. Вот почему необходимо обращение к классическим истокам.

Выше я отметил, в «безбрежном» море литературы о государстве четко выделяется еще один остров — это книга, я бы сказал, продуманный «комод» мыслей о государстве Георга Еллинека.

В начале XX в. в России был переведен на русский язык В.М. Гессеном и Л.В. Шалландой труд немецкого мыслителя Георга Еллинека (1851—1911) «Общее учение о государстве». Произведение, подчеркну еще раз, замечательное и смею сказать — до сих пор недооцененное отечественными науками о государстве. На тот момент, по существу, автор не только подобрал все достижения в области европейской государствоведческой мысли за последние столетия, но и эффективно выстроил методологические основы, указав при этом, что «государство может быть изучаемо с разных точек зрения, в соответствии с многообразием его проявлений» (Ellinek, 2004:43). Объем статьи не позволяет воспроизвести многие и многие ключевые моменты произведения Г. Еллинека, однако, одно очень важное следует упомянуть.

Автор пишет о том, что объект социальных наук непрерывно изменяется, и в этом постоянном движении можно усмотреть прогрессивное развитие. «Эмпирически напротив, мы можем во многих случаях констатировать лишь изменение, а не развитие». Далее, автор еще более категоричен: «Учреждения меняются, но не всякое изменение есть развитие последним являются только такие изменения, которые ведут от простого к сложному» (Ellinek, 2004:76). Иначе говоря, по Еллинеку, социальные объекты, как и государство, движутся, с течением времени изменяются. Между тем изменения не всегда есть развитие. Российская государственность за последние сто и более лет только развивалась? Или только изменялась? Или и то, и другое. Современное российское государство, его движение и конституционное обновление — результат развития, прогресса или это просто изменения? Все эти вопросы требуют исследования — аргументированного конкретизирования в связи с функционированием отдельных институтов государства и в связи с правом, соответствующими изменениями и в нем.

⁴ Зорькин В. Возращение государства // Российская газета. № 8456. 17 мая, 2021.

«Имитационная» государственность

Аристотель исходит из того, что власть должна осуществляться реально, властвующие субъекты обязаны добиваться цели, при этом значительное внимание уделяется законосовещательной власти. Как тут не вспомнить его слова, о которых уже шла речь выше, о том, играть одновременно на флейте и тачать сапоги невозможно. Конечно, это самые общие положения, но мысль основоположника учения о государстве ясна — отправление власти не должно быть имитационным, что неизбежно ведет к отклонениям государственности.

Термин «имитация» означает подражание, подделку, копирование, при творство и т. д. Нет сомнения, что «имитационное государство» есть метафорическое выражение. Что дополнительного высвечивает использование такого образного высказывания? Как отмечалось, метафора позволяет создать наглядную картину происходящего, существо предмета или явления; подчеркнем еще раз, это ничто иное как научный прием. Зададимся вопросом — свойственна ли имитация современной постсоветской государственности, ее структурам в осуществлении полномочий, выполнении обязательных функций? Уточним, имитация в сфере реализации государственной власти, осуществлении государственного управления означает, что орган имитирует (изображает) реальную деятельность, достижение цели, часто желание общего благополучия, самостоятельно, по существу, не решая и не выполняя собственных функций и задач⁵.

Зададимся и другим вопросом — каков объем имитации, например, в современном механизме российского государства? Каковы причины? Можно ли в полной мере говорить, что вся российская государственность есть имитация того, что должно быть реально и с позиции общественной необходимости и с позиции собственной природы того или иного государственного института? Думаю, конечно, нет. Однако имитации в нашей жизни, в том числе государственной, достаточно.

Возникает и другой вопрос: имитация государственной деятельности, государственных функций — явление современной публичной власти России? Или же аналогичное свойство, например, государственной власти уже имело место в истории России? Думаю, что на этот вопрос полный и ясный ответ должны дать историки государства и права. Я могу лишь положительно утверждать относительно новейшей истории государственности России.

В ленинской идее советов как «работающих» корпораций имитация представительной власти, по существу, закладывалась сразу. Очевидно, что невозможно одновременно, что называется, трудиться на производстве, служить в вооруженных силах и т. д. и профессионально осуществлять представительную (включая законосовещательную) власть. К 1940 г. имитация представительской власти была высочайшей. И.В. Сталин сосредоточил в своих руках всю государственную власть. Думаю, комментарии здесь излишни.

Вернемся к истории отечественного парламентаризма. В 1917 г., как известно, главным конструктором советской государственной власти выступил

⁵ Иммитационной составляющей современной российской государственности посвящены научные исследования С.А. Денисова. См., например: (Denisov, 2018).

В.И. Ленин, который не скрывал своей неприязни к парламентаризму. «Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения» (Lenin, 1949:395). Перечитывая «Государство и революцию», как ее называли советские идеологи, «сокровищницу идей марксизма-ленинизма о государстве» (Obichkin, 1980), видишь, что Ленин по существу тоже искал работающую форму представительной власти. «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества, — отмечает он, — коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вы рождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями» (Lenin, 1949:396). Здесь надо понять и еще одну деталь. Конечно, любой представительный орган власти во все времена был и остается, говоря словами классиков марксизма-ленинизма, «говорильней». Добиться ситуации, что этот государственный орган (а равно с ним и муниципальный) достигнет уровня, точки отсчета, где каждый представитель (депутат) будет трудиться, что называется в поте лица, невозможно. Сама *природа* данного учреждения такова, что здесь без «говорильни», и в хорошем, и в отрицательном смыслах, не обойтись. Где «говорильня», в хорошем смысле, там рядом и пустые речи и диалоги, такова природа парламентской деятельности. Однако вернемся к постсоветской реальности.

Статья 103.1 обновленной Конституции РФ регулирует вопросы ведения Государственной Думы в сфере парламентского контроля⁶. Первое, что бросается в глаза — в новой статье и в Конституции в целом по-прежнему отсутствует положение о главном, т. е. о том, для чего собственно существует этот федеральный представительный орган, а именно понятие законотворческой деятельности. Иначе говоря, ни о законотворчестве, ни о законотворческой стратегии и политике речи нет вообще. В п. 1 ст. 105 Основного закона сухо проконстатировано, что «федеральные законы принимаются Государственной Думой». Иногда Госдуму справедливо называют законосовещательным органом при Правительстве.

Аналогичное можно сказать и о Совете Федерации Федерального Собрания. В подтверждение сказанного читаем буквально следующее: «В пятницу сенаторы провели заключительное заседание, рассмотрев более 90 вопросов и одобрив 81 законопроект»⁷. Даже физически трудно представить, как это возможно сделать за один рабочий день, в смысле проголосовать. Другие комментарии излишни. Одновременно Госдума также рапортует об итогах одной (осенней) сессии — 553 принятых закона⁸.

Попробуем разобраться в причинах имитации государственности. Главная из них кроется в реально существующем единовластии и стремлении ее укреплять. Известно, что любая государственная власть в соответствии со своей

⁶ Подробнее: (Khabrieva & Klishas, 2020:125—127).

⁷ См.: Миславская Г. 80 законов в плюс // Российская газета. 28 дек., 2020.

⁸ Замахина Т. В духе Конституции // Российская газета. 25 дек., 2020.

природой тяготеет к этому. Иначе говоря, корни имитации — в обеспечении единовластия и централизованного режима.

Безусловно, имитация очень дорого стоит государственному бюджету: убери дорогостоящие представительные органы власти, управляемые судебные инстанции, работающие зачастую по команде, мнению свыше и т. д., в абсолютном большинстве мало что изменится. Такого плана любая власть это прекрасно понимает, и поэтому не скупится для имитации на расходы, тем более что деньги, попросту говоря, не из своего кармана.

В своих архивах я нашел статью С.С. Алексеева, давно написанную им и, в принципе, забытую научной общественностью, посвященную пониманию демократии. Известный российский правовед как будто отвечает современным политикам и авторам: «Насколько многогранна демократия? И насколько опрометчивыми бывают наши суждения, когда мы порой без разбора, недифференцированно судим о демократии и ее институтах. В демократии как порядке или режиме власти народа можно различить по меньшей мере три аспекта. Она и форма личной, индивидуальной свободы человека; и способ управления делами общества; и показатель социальной активности людей»⁹.

Проблема имитации содержания государственно-властных и управленческих структур, демократии требует специальных научных исследований со стороны юридических, политических, социологических и других наук. В данной статье лишь в общих чертах поставлены наиболее важные вопросы.

«Отчужденное государство» и «селективное государство»: есть ли связь?

«Отчужденное государство» — что понимать под этой достаточно образной метафорой, которая все чаще встречается в политической публицистике, да и научной литературе (Guliev, 2001). Ответ несложный, где-то заложен в самом вопросе. Это такое государство, образно говоря, существующее само по себе и для себя. Известно, что степень самостоятельности и независимости общества от государства может быть разной и, конечно, в современной действительности общество и государство — два разных и относительно независимых феномена. Самостоятельность определяется демократичностью государства, его политическим режимом, уровнем персонализации государственной власти и других факторов, но эти факторы определяющие. Сказанное не означает, что общество и государство должны быть независимы и двигаться по течению жизни, не соприкасаясь. Государство — продукт общества, оно создано для общества и всецело ему обязано. Аристотель неоднократно говорил о государственно-организованном обществе. Между тем истории известна и другая тенденция — обособление государства от общества, обязанностей по отношению к нему, игнорирование кадрового обновления, обложение граждан и структур общества обременительными налогами и др. Какие причины, какие обстоятельства более влияют на степень отчужденности государства? Очевидно, есть формальные обстоятельства — качество конституционных положений и даже их техническое несовершенство.

⁹ Алексеев С.С. Сила демократии и демократия силы // Литературная газета. 4 окт., 1989.

Однако это юридическая сторона вопроса. Но есть еще и такое понятие, как лидер в государстве (президент, глава правительства, король и т. д.). Может ли лидер влиять на степень отчужденности? Несомненно, да. Иначе говоря, даже в случае демократичности конституционных положений при желании можно найти немало политических, управленческих и других средств с тем, чтобы, например, в представительном органе власти присутствовали члены пропрезидентской партии и другие его сторонники. Эти примеры можно продолжить.

Итак, главный признак «отчужденности» государства — его отдаленность от общества, игнорирование его интересов и потребностей, игнорирование критики независимых СМИ, если, конечно, такие существуют. В таком государственном обществе действует принцип личного доверия при осуществлении кадровой политики, принцип «святости» лидера. Командный метод в различных его формах, вплоть до отрицательной эмоции на лице или недоумении, становится главным средством управления. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в этой связи верно предупреждает: «Одними командными мерами едва ли можно добиться процветания государства»¹⁰.

М.Н. Марченко справедливо пишет, что «в процессе системного познания государства не менее важным представляется держать в поле зрения и учитывать уровень относительной самостоятельности и возможной отчужденности государства по отношению к обществу» (Marchenko, 2017:38).

И вот здесь можно найти ответ на вопрос о связи или связанности «отчужденного» государства и «селективного» государства.

Под *селективностью* понимается особая форма принуждения со стороны государственной власти. Принуждение есть неотъемлемое свойство любой государственности; оно, принуждение, может быть в большей мере или меньшей, это зависит от политического режима в государственном обществе, господствующей идеологии, в конце концов — от харизмы государственного лидера.

Что же современная Россия? Что изменилось в принудительно-репрессивном механизме? Безусловно, нынешняя Конституция РФ, либеральное мышление и идеология не позволяют открытых репрессий, открытого демонстративного давления. Тем не менее, эксперты отмечают, например, следующее: «После 2012 г. регулярные репрессии в отношении политически активных граждан стали вещью привычной (иногда под них попадают и люди, не имеющие отношения к политике)»¹¹. Интересен при этом вывод: «Репрессиями власть во многом лишь способствует кристаллизации новой общественности, вычищая из нее неустойчивые и случайные элементы»¹².

Транзит власти и кадровая несменяемость

Несменяемость и «вечность» значимых руководителей — признак постсоветской реальности; возраст, здоровье, профессионализм ни причем, главное — лояльность к системе управления. Так, к Президенту РФ обратился ректор одного

¹⁰ Зорькин В. Право будущего в эпоху цифр // Российская газета. № 8137. 16 апреля, 2020.

¹¹ Кынев А. Как власти сплотить оппозицию // Ведомости. 6 марта, 2018.

¹² Кынев А. Как власти сплотить оппозицию // Ведомости. 6 марта, 2018.

из ведущих вузов страны, пригласил на юбилей университета, попросил помощи в постройке нового общежития. И вдруг срочная новость, говорящая сама за себя: комитет Госдумы по образованию рекомендовал принять во втором чтении законопроект, позволяющий президенту продлевать полномочия ректоров Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов неограниченное число раз. Депутаты пошли еще дальше, сообщают «Ведомости», и предложили из статьи исключить слово «дважды». Поправка была внесена, заключают «Ведомости»¹³. Что следует из этой информации? Во-первых, очевидна строгая централизованная власть, т. е. нет сомнения, что просьба ректора нашла положительный отзыв у высшей власти; во-вторых, очевидна имитационная сущность представительной (законодательной) власти; в-третьих, несменяемость, как признак властвующих структур в современном обществе, государственности, управлении; в-четвертых, очевидно сведение роли закона и законотворчества к атрибутивной части единоначалия.

В Госдуме активно проходят законопроекты, отменяющие возрастной ценз для должностных лиц и военачальников РФ, назначенных Президентом РФ. Комментарии вряд ли нужны.

Правовой инструментарий и публичная власть

Кризисные правовые явления поражают, главным образом, систему права, законотворчество, правовое сознание и т. д., о чем мне уже приходилось писать¹⁴. Конечно, «кризисная болезнь» элементов правовой надстройки имеет свои проявления и особенности. Однако, суммируя их, определяя значение дефектов и сбоев, можно ставить вопрос о кризисных тенденциях в праве.

Задача показать формы злоупотребления властью, в которых законотворческие механизмы выполняют немаловажную роль. И еще: в так называемые «нулевые» годы много писалось о том, что право — достойный антипод власти, ее сокровенной составляющей — всевластия (Alekseev, 2010: 264—265). Много было и утверждений, что принятие Конституции 1993 явилось правовой базой стабильности общества, законности и гарантированного благополучия граждан. Однако механизм внесения поправок в Конституцию РФ (апрель 2020) заставил усомниться в том, что Основной закон — авторитет абсолютный, стало очевидным.

Итак, кризисные явления могут охватывать право и иные элементы правовой надстройки. *«Корневая» часть права, его естественные основы, действующей государственной властью могут быть отодвинуты. По-другому говоря, степень участия права, его «вплетения» в позитивные нормы по-прежнему зависит от государственной власти, ее лидера.* И вот здесь подходим к главному — к связи таких социальных феноменов как власть и право? Насколько правовые средства могут использоваться для всевластия?

Может ли законодательство, его главное звено — законы, выступать средством власти? Конечно, да, и средством достижения, мягко говоря, негативных целей (Karpenko, 2012:154—166). Другого механизма и нет. А могут попирацца

¹³ Мухаметшина Е. Возраст незаменимости // Ведомости. 15 ноября, 2019.

¹⁴ См., например: (Vlasenko, 2013; Vlasenko, 2015).

права граждан, населения при помощи правового инструментария? Несомненно, ответ утвердительный. Какими методами и способами это возможно?

Прямые поправки. Начнем с крайнего — принятие законов, не соответствующих Конституции, т. е. прямое поправление ее основ. Соблазн в принятии таких документов вырастает и, как очевидно, крепнет в период слабой активности Конституционного Суда РФ. Думаю, ярким примером тому является так называемое «обнуление» президентских сроков, о котором шла речь. Такого плана примеры можно продолжать. Другой пример. Самые резкие негативные отзывы экспертами были даны на законопроект о реорганизации Российской академии наук. Проект закона предложил трансформировать РАН из автономной и независимой научной организации в казенное учреждение, что, по оценкам специалистов, несовместимо со свободой научных исследований и свободой мысли, признаваемых международными договорами и конституцией. «Законопроект таранит верховенство права, чем нарушает ст. 1, 2, 15, 17, 18, 24, 35, 44 и 55 Конституции, и поэтому не имеет права на принятие, как попирающий Основной закон»¹⁵.

«Резиновые» законы. Журналисты, эксперты нередко выступают с критикой помещенных на соответствующих порталах, с целью обнародования, законодательных инициатив. «Резиновыми» публицисты называют нормативные правовые документы, содержащие оценочные и неопределенные понятия, многозначные сочетания, слова и формулы и др.

Вообще проблема использования оценочной («резиновых» понятий) терминологии в соответствующем законодательстве в последние годы встает все острее. В СМИ достаточно активно обсуждалась, в том числе депутатами, юристами, включая практиков (адвокатов и др.), формула ст. 282 УК РФ. Речь идет о понятиях «экстремизм», «вражда», «ненависть», «унижение достоинства».

Завершим сказанное следующим. Академик Ю. Пивоваров в статье, посвященной 150-летию со дня рождения П.Б. Струве, замечает: «Современные диктатуры (в т.ч. и российская) научились использовать законодательство как инструмент насилия. При этом законы теряют свое правовое содержание»¹⁶.

Власть, референдум, выборы

Проблема референдума юридической наукой не разрабатывается, нет правореализационной практики; последний российский плебисцит состоялся в 1993 г., когда принималась Конституция РФ. Конституционные поправки 2020 в полной мере референдумом вряд ли можно назвать. Замечу, что в некоторых учебниках по теории государства и права референдум, как форма законотворчества, не упоминается вообще. Авторы можно понять: этот институт демократии является неработающим, и писать о нем, и вещать о нем студентам нет смысла.

Между тем законодательство о референдуме развивается. Однако его динамика, по оценкам экспертов, идет в сторону усложнения осуществления данного права. Как тут не вспомнить Г. Еллинека, отмечавшего, что не всякое

¹⁵ Бордунов В. Верховенство власти над правом // Ведомости. 2013, 4 сент. (автор — профессор, член Российской Ассоциации международного права).

¹⁶ Пивоваров Ю. Государство и диктатура // Новая газета. 21 дек., 2020.

изменение в государственно-правовой сфере, — развитие. Б. Вишневский по этому поводу отмечает следующее: «У темы два измерения: юридическое и политическое. В юридическом измерении проведение общероссийских референдумов — чрезвычайно сложный квест, где «мины» подстерегают на каждом шагу. При этом инициатор референдума как сапер — ошибается только один раз. Любая ошибка — фатальна и влечет за собой прекращение процедуры»¹⁷. Далее автор разбирает «пошаговые» дела желающих провести такое мероприятие.

О динамике избирательного законодательства. Прежде отметим следующее. По внешнему наблюдению, самую большую динамику, по мнению специалистов, в Российской Федерации переживает налоговое законодательство, и с объяснениями этого факта не поспоришь — нестабильная экономика с «сырьевым креном», международные санкции, пандемия, никак не вписывающаяся в бюджет страны, обострившиеся отношения с Европой и др. Конечно, в этих условиях налоговое регулирование должно варьироваться, быть гибким, и, что называется, выручать государство. Между тем и избирательное законодательство не отнесешь к стабильному и несменяемому. Конечно, темпы здесь не налоговые, но и не увидешь динамику, движение, иногда и хаотичное, невозможно. По данным СМИ, на 1 июня 2020 г. в избирательное законодательство за период с 1994 г. было внесено 2 641 изменение и дополнение.

Возникает вопрос — насколько необходима постоянная трансформация избирательного законодательства? Нуждается ли стабильный политический режим в постоянной перетряске избирательных законов и подзаконных нормативных правовых актов? Ответ на эти вопросы достаточно простой. В обществе и государстве со стабильной политической системой избирательное законодательство также должно быть незыблемым и, если вносятся в него поправки, то, как правило, их адресуют следующему этапу выборов. По этому поводу можно спорить, что-то уточнять, но в любом случае бесконечное манипулирование положениями законодательства о выборах не есть позитивная черта государственной власти, политического режима в целом.

В этой связи эксперты справедливо отмечают, что в Конституции России почти ничего не сказано об организации выборов, этот вопрос отдается законодателям...¹⁸. Модернизированная в 2020 г. Конституция РФ эту проблему, к сожалению, также не затронула.

Подведем итоги. Референдум(ы) и выборы — важнейшие составляющие демократического политического режима. Относительно референдума заметим следующее. Я не склонен, как некоторые авторы, превозносить его как средство противостояния единоличной власти и т. д.

Венецианская комиссия сделала обобщение в части проведения референдумов в девяти странах (Беларуси, Украине, Лихтенштейне и др.) за последние 2—5 лет и отметила следующее: «Комиссия выражает обеспокоенность тем, что большинство перечисленных референдумов направлены на концентрацию власти и снижение контроля со стороны парламента. Кроме того, Венецианская комиссия рассмотрела референдумы, не вызывающие подобных опасений,

¹⁷ Вишневский Б. Требуется невозможного // Новая газета. 27 июля, 2019.

¹⁸ Корня А., Бочарова С. Конституция выше выборов // Ведомости. 6 февр., 2014.

например, референдум о самоопределении в Черногории»¹⁹. Если судить по высказываниям Секретариата Венецианской комиссии, референдум — очень деликатный политический институт, использование которого предполагает крайнюю осторожность и технологическую выверенность.

Вывод, который напрашивается, достаточно жесткий. Любая действующая власть, как уже отмечалось, стремится к стабильности и постоянству. Поэтому для нее такие политические институты, как референдум, выборы, ротация и др. не актуальны и где-то опасны. Другое дело, когда стабильная конституция, избирательное законодательство, соответствующие традиции, тогда и не встает вопрос — можно ли как-то уйти от выборов и нужно ли? и т. д.

Государственно-социалистическая экономика?

Ошибка в политике реформ 90-х состояла в абсолютизации идеи «свободного рынка». Тогда только и слышали — рынок все отрегулирует, борьба за качество продукции будет определяться конкуренцией; рынок — лучший регулятор спроса и потребления и т. д. Таким образом, отрешение государства от экономики идеологически и стимулировалось, и было оправдано.

По существу, произошло «горькое расслоение» — рынок процветал, «жирели» дельцы от рынка — товар, по преимуществу зарубежный, приносил деньги — и снова товар из-за рубежа, и вот они, вырученные деньги, уходящие по преимуществу также за рубеж. Собственность и производственные мощности, как ключевое звено любой, в том числе российской, экономики, быстро стали приходить в негодность, а если учесть тот факт, что промышленные стандарты так называемого «советского образца» потребительскому спросу не отвечали или мало отвечали, т. е. промышленность не перестроилась и сделать этого она попросту не могла — никто в этом не был заинтересован. Государство, подчеркиваю, ушло в сторону. Государственная политика, еще раз отметим, на этот счет отсутствовала полностью. Объяснение идеологов-рыночников было неустанно одно — рынок заставит собственника беспокоиться о модернизации производства. В общем «рынок», подчеркнем, если судить со слов идеологов Б.Н. Ельцина, все решит, и государству ничего делать не надо. Ну, кроме лицензирования, выделения квот и др. Как говорить, российские чиновники спрятались от проблем, с одной стороны, с другой, начинает ни по дням, а по часам произрастать коррупционная опухоль. Чиновники, например, работающие в региональных комитетах по имуществу, по лесу, недрам и др., просто на глазах изменились: сытость, внешняя респектабельность, квартиры, машины. Особенно комфортно зажили ведомства по лесу, недрам, как отмечалось, имуществу, региональные фонды (дорожные) и др.

К концу 90-х отчуждение государства от экономики достигло эпогея.

Прошло определенное время. Можно ли нынешнюю экономику назвать рыночной, определить роль государства в ней? Очень сложно, резкий «прыжок» в «рыночный капитализм» мало что принес, если не сказать большего. В то время

¹⁹ См. подробнее: (Khabrieva, 2020:207).

верилось, что экономика развитого социализма, напоминая государственный капитализм, с легкостью станет рыночной и сразу же принесет прибыль. Такого не случилось. В этой связи эксперт В. Рыбин пишет: «Россия не переживает рыночную модель... Россия слишком неоднородна во всех отношениях, от природных и географических до этнических и духовных, чтобы быть совместимой с капитализмом»²⁰. Трудно сказать, насколько справедлив вывод автора на будущее. Но и возразить пока сложно.

Между тем реальные доходы населения сокращаются, покупательская способность упала, особенно на мебель, одежду, транспорт и многое другое — то, что можно приобрести благодаря достойной заработной плате и недолгосрочным накоплениям. Экономисты отмечают — экономика в последние пять лет не демонстрирует заметного роста; в лучшем случае 2 % годовых. Об этом свидетельствуют и статистические данные Правительства РФ за 2020 г. о развитии экономики России, о которых уже шла речь²¹.

О сложной ситуации в экономике России в своей лекции перед выпускниками в НИУ «Высшая школа экономики» председатель Счетной палаты Алексей Кудрин сказал следующее: «Страна в застое, а причина этого — недостаточность структурных реформ и зависимость нашей экономики от экспорта сырья»²².

И вот здесь встает главный вопрос — по существу гвоздь, вокруг которого требуется и должно найти ответ. Речь о ролевой модели российской государственности в экономике, его стратегическом значении в выработке экономической политики — политики, способствующей росту благосостояния, экономического расцвета и безопасности.

Можно ли современную экономику назвать *госкорпоративно-социалистической* и, соответственно, характеризовать *социалистической*?

Настоящий период — это период укрепляющейся изоляции от глобальной экономики и медленной стагнации отечественной. Коронавирусная ситуация, неожиданно свалившаяся на плечи нашего хозяйства, как очевидно, будет только противодействовать его развитию. Таким образом, тенденция хорошо просматривается, государственная доля экономики будет увеличиваться, роль госзаказов будет расти.

Из сказанного следует, что одним из признаков экономического управления в стране явилось разделение экономики по принципу специализации госкорпораций. Реальное управление стало подменять так называемое общее видение экономики, с этим утрачивается свобода и усмотрение в управлении экономическими процессами. Госкорпорации стали строить «заборы» в своей сфере.

Огосударствление экономики идет полным ходом, контроль этого процесса практически не ведется, о чем свидетельствуют данные Счетной палаты России. Деятельность 90 % акционерных обществ (АО) с госучастием на сегодняшний день практически не контролируется. Сколько в России ФГУПов, как, впрочем,

²⁰ Рыбин В. Что с нами происходит? // Литературная Россия. 5 мая, 2017.

²¹ Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2020 году // Российская газета. № 8403. 12 марта, 2021.

²² Шмаров А. Реструктуризация реформ // Ведомости. 15 июля, 2020.

и АО с госучастием, также никто не знает. Данные Росимущества, Росстата и ФНС России разнятся (из доклада Счетной палаты России)²³.

Академики РАН А.Г. Аганбегян, Б.Н. Порфирьев, член-корреспондент РАН А.А. Широков и др. в своем докладе «О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России» печально констатируют следующее: «Прогноз к концу 2020 г. — рост смертности на 250 000 человек в сравнении с 2019 г., или на 15% больше, что является самым высоким индикатором среди стран мира. Не говоря уже о гуманитарном и социальном измерении людских потерь, экономический эквивалент (в терминах стоимости человеческого капитала) оценивается в 4,8% ВВП, что сопоставимо с ожидаемым в 2020 г. снижением ВВП». Авторами предлагается целый ряд мер под общим тезисом необходимости серьезной перестройки в экономической сфере России. В материале академиков немало интересных предложений и по приватизации, и механизму ценообразования, роли государственных структур в обеспечении эффективности современной экономики России, неэффективности управления региональным развитием, чрезмерной концентрации финансовых и интеллектуальных ресурсов в Москве и Санкт-Петербурге и др.²⁴.

Коррупция как обыденность, компонент культуры, средство управления

Проблеме коррупции посвящена огромная научная литература по различным сферам знаний. Автор этих строк также принимал участие в исследовании этого феномена. Анализ источников показывает, что практически все ученые исходят из одного: коррупция — это зло, это серьезный отрицательный фактор для любого государства и общества, и без преодоления этого явления невозможно прогрессивное развитие общества, с чем нельзя не согласиться²⁵. Однако вопрос в другом. Коррупция — явление известное, исторически возникло, как отмечают эксперты, с появлением цивилизации²⁶. Другое дело — ее масштабы, уровень, формы проявления и использования. В этом корень проблемы²⁷. Между тем отечественные исследования все под одну гребенку: коррупция — это отвратительно, с ней нужно бороться правовыми, нравственными и др. средствами.

На самом деле, коррупция стала не только обыденным явлением, но и *средством управления* в обществе, а значит, как бы того не хотели, неотъемлемым элементом национальной культуры. Другой подход к коррупции, в частности в России, позволит увидеть картину государственной и общественной действительности более широко, объемно и предметно. В связи со сказанным интересно

²³ Подробнее: Государственные компании стали удельными княжествами. Режим доступа: <https://news.mail.ru/politick/43125262/frommail=1> (дата обращения: 01.05.2021).

²⁴ См.: Доклад «О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России» Интернет-ресурс; см. также: Маврина Л. Академики зовут на перестройку // Ведомости. 1 февр., 2021.

²⁵ См., например: (Khabrieva, 2012); на этом построена книга «Антикоррупционное правовое воспитание. Научно-практическое пособие» (Pashentsev, 2020).

²⁶ Об истории коррупции см., например: (Dakhov, 2012:5—12).

²⁷ О масштабах коррупции, см., например, аналитический материал А. Соколова (Институты без развития // Ведомости. 2 марта, 2021). Автор отмечает: «В российские институты инновационного развития за 15 лет был вложен почти 1 трлн. руб. Но к успеху это не привело». Автор наглядно продемонстрировал коррупционные схемы, выявленные правоохранительными органами.

обратить внимание на суждения русского мыслителя и революционера, одного из теоретиков анархизма М.А. Бакунина. «Коррупция, — отмечает мыслитель, — не изобретение бонапартизма; она возникла с появлением первого в истории политического государства, но именно в наши дни стала *политическим институтом государства*» (курсив наш. — *Н.В.*) (Bakunin, 1990:61). Мы сможем понять, что коррупция там, где чрезмерная бюрократизация, там, где излишнее праворегулирование, где-то и агрессивное, где, подчеркнем, чрезвычайно плотная юридическая регламентизация экономики и хозяйствования. Наверное, при таком подходе многое станет понятным в плане объяснения природы обыденной, бытовой, так называемой «мелкорозничной» коррупции и коррупции как принципа управления.

Однако, сто раз подчеркиваю и хочу быть правильно понятым, я не сторонник коррупции и не ее защитник. Я лишь за изменение угла зрения на ее исследование, за реальную оценку ее роли в обществе и экономике, предпринимательстве, в бизнесе в целом и в бытовом укладе России.

В настоящее время очень много пишут о непобедимости коррупции и ее природы, выработке эффективных антикоррупционных средств²⁸. Я убежден в другом — России нужна серьезная модернизация, доведение до уровня, чтобы все политические институты не имитировали государственную работу, а функционировали реально в соответствии со своей природой. Тогда для коррупции места, если и останется, то не очень много. Сегодня в денежном выражении о потерях по причине коррупции вряд ли кто-то скажет определенно. Интервью А.И. Бастрыкина «Российской газете» от 15 января 2021 г. не позволяет говорить о снижении темпов роста коррупции в стране, в частности, интервьюируемый говорит о 90 тыс. уголовных дел, возбужденных за последние 10 лет и др.²⁹ Однозначно заметим, что еще в 2015 г. «Ведомости» писали, что объем деловой коррупции в 2013 г. составил 1,93 трлн руб.³⁰, а количество уголовных дел измерялось лишь сотнями.

Э. Панеях в связи со сказанным отмечает следующее: «Российская коррупция давно привлекает внимание исследователей и считается одной из самых ярких особенностей российского государства и одним из главных тормозов развития страны»³¹. Пожалуй, точнее не скажешь.

Завершая, еще раз подчеркнем, что в природе коррупции никакой загадки нет, как это иногда полагают, кивая на природу человека, национальные особенности и традиции. Несомненно, одно — уровень коррупции *зависит от уровня демократии*: чем больше демократии и толерантности, прозрачности и доверия, а также уважения к праву, тем меньше коррупционная составляющая. Словом, уровень коррупции прямо зависит от уровня и качества демократии.

²⁸ Аптекарь П. Непобедимая коррупция // Ведомости. 15 марта, 2018; Шумаков И. Почему России не поможет новый антикоррупционный план // Ведомости. 24 июля, 2018.

²⁹ Козлова Н. Десять лет не срок // Российская газета. № 8357. 15 января, 2021; см. также: Куликов В. Взятки меньше, но чаще // Российская газета. № 8444. 29 апреля, 2021.

³⁰ Корня А. Коррупция — не главное // Ведомости. 10 февр., 2015.

³¹ Панеях Э. Коррупция как основа экономики // Ведомости. 24 апр., 2014.

Суд и пирамида власти

Судебная власть — неоспоримая ценность общества, его надежда и его гарантия. Именно по самостоятельности и независимости судебной власти, ее системы всегда измерялось и качество государственности, стабильность прав и свобод граждан, синхронность и баланс работы самой государственной власти, ее аппарата.

Г. Еллинек, исследуя воззрения на теорию народного суверенитета, тонко заметил, что принцип разделения властей имеет второстепенное значение, ибо все власти первоначально принадлежат народу и переносятся на органы только посредством конституции (Elinek, 2004:482). Далее автор рассуждает о «центре» власти и ведет речь о монархе либо народе. При этом критикует Канта, его идею признания государственной власти в «трех лицах», заключая, что каждый орган государства представляет, в пределах своей компетенции, государственную власть (Elinek, 2004:482).

Итак, что важно почерпнуть из строк Г. Еллинека.

Государственная власть по своей природе должна быть едина, что определено либо монархической природой власти, либо народным представительством. Ни одна власть при этом не может и не должна забывать о святости этого тезиса, и замыкание ее в «одном лице» нарушает природу истоков всех ветвей власти, приводит к абсолютизации, кооперативному принципу функционирования, *самоуничтожающей* замкнутости.

В. Зорькин в свое время справедливо писал о реформах Б.Н. Ельцина и их последствиях, в частности отмечая, что это привело к «...коррупционному сращиванию существенной части бизнеса с государственной бюрократией, и низкой конкурентоспособности российской судебно-правовой системы по сравнению с правовыми системами других стран»³².

Самое печальное для современной российской государственности то, что суд, судебная система вписаны в иерархию, пирамиду исполнительной власти. Выше отмечалось, что так называемая истина власти, ее предназначение и ценность — в самостоятельности и независимости и четком выполнении своих функций. Нет этого — парализуется принцип ее разделения, нарушается баланс между ветвями власти, граждане теряют гарантии соблюдения и защиты своих прав. Встроенная в вертикаль исполнительно-распорядительной государственности, судебная власть утрачивает свободу усмотрения, она становится частью, видением генеральной власти. В этой ситуации споры и пожелания ученых, общественности, чтобы судебные дела распределял компьютер или «тройка» судей (ежегодно сменяющаяся, по примеру Испании) и т. д. — бесплодны и бесполезны. Надо понять простое: если судебная власть — необходимое звено единой вертикали власти, было нелепо механизм распределения «важных» судебных дел сделать независимым от председателя суда, всецело оглядывающегося на президентские и правительственные структуры. Ученые-юристы, общественные деятели предлагали и предлагают немало так называемых «шагов» по приданию

³² Зорькин В. Правовое регулирование экономики: глобальные тенденции и российский опыт // Российская газета. № 5797. 1 июня, 2012.

независимости судебной системы³³. В условиях крепнущей имитационной государственности и ее институтов вряд ли это будет иметь перспективу.

Одновременно крепнут другие тенденции. Прежде всего *несменяемость* так называемой судебной верхушки, что является гарантией «правильного» рассмотрения хозяйственных и иных дел. При жесткой иерархии судебной системы, абсолютной подконтрольности председательского корпуса это в общем не сложно, еще и потому, что каждый судья помнит свою зависимость от председателя, кадровиков и силовиков генеральной власти³⁴. В Государственной Думе на эту тему никаких споров: либо, действительно, не замечают, что происходит, либо парламентское место дороже. Конституционную ветвь власти в последние годы постигла та же участь. В забвение ушли «особые мнения», ротация, уже не говоря о решениях вопреки управленческой системе.

Федерализм нуждается в новой концепции

Начну с того, что в России реального федерализма никогда не было, его нет и сейчас. Я далек от того, чтобы отрицать отдельные демократические паузы истории Российского государства, когда вдруг замаячили надежды на региональную самостоятельность. Безусловно, не считаю, что федеральное управление с акцентом на «свободу» регионов должно быть доведено до абсурда и головотяпства, растерзания страны на самостийные куски. Иногда думаю, что в царской, имперской России отдаленным окраинам прав было предоставлено значительно. Этот момент в специальной юридической литературе слабо исследован.

Реальный федерализм должен быть защищен и гарантирован законодательством, конституцией и судебной и правоохранительной системой. Федеральная политика должна обновиться и выстроиться, по крайней мере, по трем направлениям — экономическому, и здесь приоритетом должно быть справедливое распределение экономических доходов; политическому — прежде должно быть связано с достаточной независимостью руководства региона, речь идет о губернаторе, о реальном представительстве субъекта федерации в Совете Федерации (и это должно быть исключительно правом региона); социальному направлению — это люди, их качество жизни. И не надо строить социальное государство с огромным управленческим аппаратом, а нужно оставлять для этих целей денежные средства на местах и, конечно, контролировать эффективность их расходования.

Государственную политику развития субъектов федерации, создания реального федерализма нужно продолжать, также как и продолжить развивать институт федеральных территорий, не входящих в субъекты федерации (студенческие городки, научные округа, военные объекты и базы и т. д.). Словом, федеральное строительство в России нуждается в *новой концепции*, согласно которой произошло бы укрупнение субъектов Федерации (их не надо много), получили

³³ См., например, Куликов В. Логика наказаний. Михаил Барщевский: хороший закон быстро не напишешь // Российская газета. № 8345. 24 декабря, 2020.

³⁴ Проблема «отбора» судей хорошо проиллюстрирована Дмитриевой А. См.: Общественный отбор судей // Ведомости. 22 марта, 2018.

бы развитие федеральные территории, оживилась бы практика договорных отношений и др. Центральный бюрократический аппарат, разросшийся до невиданных размеров, необходимо сокращать, а регионы должны получить реальное право на собственное управление.

И еще об одной, но достаточно важной детали. Можно ли говорить о реальном, экономически полномесном федерализме при дефиците бюджета? Как уже сообщалось, в Российской газете опубликованы официальные правительственные данные под названием «Основные показатели социально-экономического положения субъектов РФ в 2020 году»³⁵. Эксперты провели анализ, подсчитали и сообщили следующее: «По итогам прошлого года (имеется ввиду 2020 г. — Н.В.) в разы увеличилось количество регионов с дефицитным бюджетом. Если в 2019 г. Таковых было 32, то в 2020 уже 60»³⁶. В этой связи обращает на себя внимание одно из положений упомянутого Доклада А.Г. Аганбегяна и др. «О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России», где сказано буквально следующее: «В коренной реформе нуждается управление региональным развитием. Подавляющая часть регионов переведена на *самую дестимулирующую систему финансирования — дотационную* (курсив наш. — Н.В.). Между тем большинство предприятий и организаций регионов отчисляют в федеральный бюджет намного больше налогов, чем регион получает трансферов из центра (такая ситуация сложилась в примерно 50 регионах страны). Эти регионы могут после тщательной подготовки перейти на систему самокупаемости, самофинансирования, самоуправления, на которых зиждется федеральная система в других государствах. Лучше всего она организована, на наш взгляд, в Германии и Канаде». Пока эти идеи остаются незамеченными.

О стратегическом планировании и контроле

В связи со сказанным встает вопрос о государственном стратегическом планировании, теоретической подготовленности деятельности государства, его органов ко всякого рода вызовам. Надо согласиться с А.Г. Хабибулиным и А.И. Селивановым в том, что «после обрушения систем государственного планирования в 1990-е гг. не создана целостная государственная система эффективного научного, экспертно-аналитического и информационного сопровождения принятия управленческих решений ни на федеральном, ни на региональном, ни тем более на муниципальном, ни на отраслевом уровнях» (Khabibulin & Selivanov, 2008:136). Думаю, какие-либо комментарии здесь не требуются. Будет ли что-то в механизме государства создаваться, пока неясно.

Нет сомнения в том, что одной из характерных черт современного российского государства является бездеятельность и где-то пренебрежение к исконным началам государственности, каким является контроль. Возникает вопрос: почему контроль так ослаб, почему и по всем ли направлениям одинаковая ситуация? Какова роль коррумпированной составляющей?

³⁵ Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2020 году // Российская газета. № 8403. 12 марта, 2021.

³⁶ Подробнее см.: Кошкина А. Регионы поиздержались // Ведомости. 19 марта, 2021.

Справедливости ради надо сказать, пока писались эти строки, в свет вышел Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³⁷. Нормативный правовой документ достаточно обстоятельный, и я бы сказал — жесткий. Теперь дело в его исполнении. Пожелаем закону доброго пути.

Заключение, или о политическом режиме

М.Н. Марченко, осуществив широкомасштабное сравнительное исследование советской и постсоветской государственности, пришел к выводу: «Вопрос о разработке новой модели и концепции государства с опорой на системный метод и иные подходы в настоящее время встает не только в отношении российского постсоветского государства, но и в отношении, хотя и по иным причинам, других государств» (Marchenko, 2017:32). С этим нельзя не согласиться.

В понимании государства каждый человек, по крайней мере, исходит из двух презумпций, контуры которых проглядывают в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Речь идет о вещи достаточно простой, но очень важной — *добросовестность* государства во всех делах, во всех начинаниях. Однако добросовестность в этом случае нельзя понимать как некую абстракцию, — нет. Она имеет конкретное воплощение в делах и поступках, прежде всего высших лиц в государствообразующем механизме. Если действия таких лиц недобросовестны, имеют какие-то другие цели, то это предполагает привлечение к ответственности — конституционно-политической, вплоть до уголовной. Презумпция, охваченная великим началом добросовестности, сводится к законным, правовым целям, поставленным государством. Неправовые цели — цели, «запрятанные» предлогами благовидности, пожелания обществу, конкретным людям некоего успеха и благополучия, не только аморальны, но имеют налет антиконституционности.

И еще: задаюсь вопросом — нужно ли было столько времени тратить на размышления в связи с книгами Аристотеля, Г. Еллиника и др.? Не остались положения этих гениальных работ вне раздумий о постсоветской государственности, в частности российской, и не только. Думаю, нет, небесполезно искал я ответы на свои вопросы, и завершая свое видение указанных проблем, обратим внимание на следующее.

Аристотель видел государство как целостную общность, образованную общением, проводил мысль о связи добродетели и государства, счастья и государства. Исследование показало — в России, и советской, и постсоветской, государственность характеризовать как целостную общность, в основе которой общение нации, нельзя. Надежды начала 90-х гг. прошлого века не оправдались, революция и ельцинская Конституция породили сверх централизованную государственную машину, где население в большинстве случаев вне общения с ней. Возможно, этот вывод очень строг, безапелляционен, но он верен. Государственные добродетель и счастье — пока только мечты. А вот идея *отклоняющегося*

³⁷ Федеральный Закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. № 171. 5 августа, 2020.

государства, как наихудшего вреда для его населения где-то очевидна и требует пристального внимания и оценок специалистов.

Г. Еллинек с прозорливостью отметил связь человеческих интересов и государства, психологическую тенденцию человека упрочивать себя, продолжая свой путь, и в этой связи использовать такое средство, как государственная власть. Разве сегодня не видны тенденции политической постельцинской элиты любыми способами укрепиться у власти? Разве не верен вывод Еллинека о том, что организованная политическая группа может просуществовать долго, если будет связана с государством?

И еще одна мысль г. Еллинека, которую государствоведы, конституционалисты нередко выпускают из вида. Речь идет о том, что не всякое изменение в учреждениях государства есть их развитие. Здесь уместно привести слова А.А. Проханова: «Государство проигрывает, когда не развиваемся, стагнирует. А такие симптомы есть. Стагнируют и ученые, и олигархи, и рабочие, и я стагнирую вместе с государством, допустившем явление чудовищных раковых опухолей, именуемых новой буржуазией или новым олигархатом»³⁸. И вот здесь возникает вопрос: конституционные модернизации — всегда развитие государственности? На этот вопрос полный и глубокий ответ, например, в связи с преобразованием Конституции России 2020 г. должны дать ученые-конституционалисты. За ними слово.

Думается, что сказанное говорит в пользу следующих оценок политического режима России.

Политический режим не есть нечто независимое от государственной власти, ее механизма. Более того, данная категория зависит, производна от других более «мощных» по своей функциональной принадлежности (государственная исполнительная власть, президент и т. д.) политических институтов. Политический режим — во многом результат правовой политики, политических традиций, принятых управленческих решений, развития законодательства и др. Вряд ли можно говорить о его положительной динамике в условиях выстроенной жесткой вертикали государственной власти, отсутствии ее регулярной сменяемости, кадровой «незыблемости» и неприкосновенности, причем данная традиция распространяется на регионы, муниципалитеты, хозяйственные структуры, вузы и т. д. Политика сохранения имеющейся государственной властной структуры, ее кадрового потенциала является ключевой. Итак, со всей очевидностью можно сказать, что нынешний политический режим *лидерский, с укреплением авторитарных начал*. Если спрашивать, демократический ли он? Думаю, таковым его назвать — это слухавить. Скорее его можно охарактеризовать как *авторитарный*, с сохраняющимися демократическими составляющими, я бы сказал — «вкраплениями», медленно уходящими.

Итак, политический режим в России, его динамика требуют пристального внимания со стороны ученых-правоведов. Однако явные тенденции просматриваются с очевидностью — это ограничение прав и свобод человека, укрепление лидерских начал, укрепление авторитаризма собственников и управленцев.

³⁸ Проханов А. Только развитие может объединить Россию // Литературная газета. 3—9 марта, 2021.

Проблема политического режима в современной России глобальна, здесь немало водоворотов, событийности и др. Однако тенденция на ограничения социальной и политической активности очевидна. К сожалению, юридическая наука на этот счет пока отмалчивается.

Следует подчеркнуть, Россия, ее государственность — в глубоком кризисе. Для его преодоления нужны не только политическая воля, но и хорошая научная платформа. Пока юридическая наука от кризисных проблем в большинстве уходит, их «не замечает». Однако рано или поздно общество и государство обратятся к юридическому сообществу за помощью, но арсенала рекомендаций не будет, и все придется разрабатывать, что называется, с колена, что крайне нежелательно. И в отечественной истории это уже было.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (2010) *Notes on Philosophical Problems*. Collected works. Vol. 9. Journalism. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Заметки по философским проблемам // Собрание сочинений. Т. 9: Публицистика. М.: Статут, 2010. 504 с.
- Aristotel', (1984) *Politics*. Collected Works in 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Аристотель. Политика // Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 444 с.
- Bakunin, M.A. (1990) Corruption. About Machiavelli. Development of statehood. *Philosophy questions*. (12), 53—66. (in Russian).
Бакунин М.А. Коррупция. О Макиавелли. Развитие государственности // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 53—66.
- Baranov, V.M. & Vlasenko, N.A. (2019) Metaphors in Law: Methodological Danger and Perspective. Legal science and practice. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1), 11—25. (in Russian).
Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспектива. Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11—25.
- Chanyshev, A.M. (1987) *Aristotel'*. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Чанышев А.М. Аристотель. М.: Мысль, 1987. 221 с.
- Dakhov, I.G. (2012) *Anti-Corruption Fundamentals*. Moscow, NII SP Publ. (in Russian).
Дахов И.Г. Основы противодействия коррупции. М.: НИИ СП, 2012. 114 с.
- Denisov, S.A. (2018) *Imitation of the constitutional order*: in 4 vols. Yekaterinburg, Humanitarian University. (in Russian).
Денисов С.А. Имитация конституционного строя: в 4 кн. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2018. 281 с.
- Dolfsma, V. (2017) *State failures. Society. Markets and rules*. Translation from English by Kapturevsky Y.; Kadochnikova D. (ed.). Moscow, of the Gaidar Institute Publ. (in Russian).
Долфсма В. Провалы государства. Общество. Рынки и правила / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. Д. Кадочникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 256 с.
- Ellinek, G. (2004) *General doctrine of the state*. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ. (in Russian).
Эллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 752 с.
- Guliev, V.E. (2001) Proto-democratic statehood: axiological phenomenology of alienation. *Law and politics*. (5), 4—13. (in Russian).
Гулиев В.Е. Протодемократическая государственность: аксиологическая феноменология отчуждения // Право и политика. 2001. № 5. С. 4—13.

- Karpenko, A.S. (2012) Aristotle and Lukasiewicz on the law of contradiction: contra et pro. *Voprosy filosofii*. (8), 154—165. (in Russian).
Карпенко А.С. Аристотель и Лукасевич о законе противоречия: contra et pro // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 154—165.
- Khabrieva, T.Ya. (ed.) (2012) *Corruption: nature, manifestations, opposition*. Monograph. Moscow, Yurisprudentsiya Publ. (in Russian).
Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2012. 688 с.
- Khabrieva, T.Ya. & Klishas, A.A. (2020) *Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation N 1-FKZ of March 14, 2020 On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. (in Russian).
Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.
- Khabrieva, T.Ya. (ed.) (2020) *Venice Commission on Election and Electoral Technologies*. Khabrieva T.Y., Kovler A.I., Fokin E.A. etc. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (in Russian).
Венецианская комиссия о выборах и избирательных технологиях / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Е.А. Фокин и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. 400 с.
- Khabibulin, A.G. & Selivanov, A.I. (2008) *Strategic security of the Russian state: political and legal research*. Moscow, Formula Prava Publ. (in Russian).
Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование / Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. М.: Формула права, 2008. 360 с.
- Lazarev, V.V. (ed.) (2006) *History of state legal doctrines*. Textbook. Baskin Yu.Ya., Kornev A.V., Lazarev V.V., Lipen S.V., etc.; Moscow, Spark Publ. (in Russian).
История государственно-правовых учений: учебник / Баскин Ю.Я., Корнев А.В., Лазарев В.В., Липень С.В. и др.; отв. ред.: В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. 672 с.
- Lenin, V.I. (1949) *State and revolution*. Collected Works. Vol. 25. Moscow, Politicheskoy Lititerature Publ. (in Russian).
Ленин В.И. Государство и революция // Собр. соч. 1949. Т. 25. М.: Изд. Полит. Лит. 675 с.
- Marchenko, M.N. (2017) *Soviet and post-Soviet state and law: a comparative legal study*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Марченко М.Н. Советское и постсоветское государство и право: сравнительно-правовое исследование. М.: Проспект, 2017. 365 с.
- Obichkin, G.D. (1980) *Treasury of Marxist-Leninist ideas about the state*. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Обишкин Г.Д. Сокровищница марксистско-ленинских идей о государстве. М.: Мысль, 1980. 164 с.
- Pashentsev, D.A. (ed.) (2020) *Anti-corruption Legal Education: Scientific and Practical Guide*. Pashentsev D.A. (ed.). Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Антикоррупционное правовое воспитание: научно-практическое пособие; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Проспект, 2020. 144 с.
- Polyakov, A.V., Kozlikhin, I. Yu. & Timoshina, E.V. (2007) *History of political and legal doctrines*. Saint Petersburg, Academy Publ. (in Russian).
История политических и правовых учений / Поляков А.В., Козлихин И.Ю., Тимошина Е.В. СПб.: Академия, 2007. 288 с.
- Vlasenko, N.A. (2013) Crisis of Law: Problems and Approaches to Solution. *Journal of Russian Law*. (8), 44—54. (in Russian).

Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 44—54.

Vlasenko, N.A. (2015) *Reasonableness and certainty in legal regulation*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М.: Инфра-М, 2015. 157 с.

Об авторе:

Власенко Николай Александрович — доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-9548-3396

e-mail: vlasenko-na@rudn.ru

About the author:

Nikolay A. Vlasenko — Doctor of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Professor of the the department of Theory of Law and State, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9548-3396

e-mail: vlasenko-na@rudn.ru